

Историзм адыгской прозы с его градацией и отображением в науке

Хуако Фатимет Нальбиевна, д.филол.н., профессор (г. Майкоп)

В статье рассматривается развитие тенденции историзма в художественных произведениях авторов прошлого века, принадлежащих к одному из кавказских этносов – адыгам. Опираясь на обзорное рассмотрение данной тенденции автор производит некоторую классификацию ее подобных текстов, что позволяет обратиться далее к вопросу научного воспроизведения рассмотренных тенденций в местном энциклопедическом издании. Его анализ заключает статью.

Ключевые слова: проза, адыг, обзор XX в., историзм, классификация, трехтомник.

DOI: 10.5281/zenodo.3242093

Современное научное литературоведение в немалой степени обращено к исследованию исторических проявлений в прозе. Традиционно известно, что историзм излагаемого народным сказителем хабара являет собой давние истоки литературно-художественного историзма, передаваемый испокон веков в виде некоего достижения художественной литературе, в частности, роману, и ставший для него обязательным условием создания романских форм. Вне зависимости от комплекса советских системных сложностей, тормозивших необходимое течение творческих процессов, как раз середина прошлого века представила ряд словотворцев, считающихся стоящими у истоков адыгской литературы, как то: Т.Керашев, А.Шогенцуков, А.Кешоков, А.Евтых, И.Машбаш, Н.Куек, др. Вообще же, изображение дореволюционного прошлого народа с привлечением фольклорных образов и фольклорной поэтики далеко не ново для национальных литератур. Уже в первой половине прошлого века существовало в адыгейской прозе яркое воплощение этой традиции погружения в века – историческая повесть Т.Керашева «Дочь шапсугов», вышедшая в 1951 году, в которой автор творчески осмыслил и претворил фольклорный материал. Т.М.Керашев – адыгский интеллектуальный богатырь, мудрое, талантливое слово которого и сегодня указывает нам дорогу из прошлого в будущее.

Однако, несомненно, весь негативный поток, связанный с государственными установками в культурной сфере, строгие идейные препоны, встречавшие творческую мысль в совокупности причинили ощутимый ущерб любящим песню народам Кавказа. Более того, целый пласт песни был утерян вместе с ушедшим от режима ее носителем. Сплошные потери подобного рода вылились в буквальный голод носителей языка по какому-либо духовному насыщению, что благополучно (на фоне общесоветских линий) обратилось в лиризацию прозы 60-х гг., в обращение ее к человеку как к центру мироздания. Так, к примеру, в контексте усиления лирического начала в прозе возможно оценивать творчество талантливого адыгского прозаика Х.Ашинова с тем, чтобы проследить пути постижения писателем мира души героев, овладения мастерством психологической характеристики, создания психологического портрета и т.д. Именно данной тональности и следовали творившие во второй половине прошлого века адыгские авторы, как то А.Евтых, Х.Ашинов, П.Кошубаев, С.Панеш, Н.Куек, Ю.Чуяко и др.

Однако насыщение литературы человечностью и внимание к личности все-таки не устраивали социум

отсутствием факта. Повинуясь обязательным в советскую пору принципам, часто покорная адыгская литература однажды оказалась перед распадом Отечества. А накануне перестройки 80-х гг. именно факт нужен был любому носителю языка и члену адыгского общества. Сказывалась уже возникшая автоматически, пост- партийная усталость; когда любой тезис партийца заведомо считался далеким от истины глумлением. Ложь, «одна погоняющая другой» на глазах всего общества, настроила социум на победу в завязанной перестройке. Здесь реально появилась свобода слова, ушел партийный контроль, и каждый стал сам себе хозяином, без какой-либо обязанности отчитываться за свою духовность. Сначала такое моральное состояние порадовало, обнадежило, а после разочаровало и несколько расхлябало, «разболтало» (за неимением нравственных приоритетов сегодняшнем РФ-строе). Для созидающего адыга такое сказалось, в первую очередь, на том, что вышеотмеченная потребность в факте и новоприобретенная свобода рассуждений позволили адыгским авторам вести речь обо всем, случившемся с народом в прошлом (в т.ч. войны позапрошлого и прошлого веков, революция и затопление). Обращение к факту, а с ним, – к истории уверенно произошло в строках художественной продукции таких адыгских классиков-прозаиков, как А.Евтых, И.Машбаш, С.Панеш, Н.Куек, Ю.Чуяко и проч. Немалая часть творящих сконцентрировалась на сотворенном, авторы обернулись к хронике событий.

Историзм 80-х гг. можно различать по группам, поскольку взгляды авторов порой разнятся, ракурсы их дифференцируются, подходы порой различаются.

1. Первая группа исторических прозаиков сосредоточена на остроте бытовавших в национальной истории конфликтов, на трагизме лившейся крови и потерях живших поколений адыгов, ими всерьез занимаются хроникальные романисты И.Машбаш, А.Евтых.

2. Вторая категория исторических прозаиков больше обращена к душе. Не остается без внимания внутренний мир адыга, его думы в лирически-окрашенной прозе второй половины XX в. (вышеназванный Х.Ашинов, П.Кошубаев, С.Панеш). В последней своей книге «Къэбар гухэкI» («Горестный рассказ», 1992) Х.Ашинов нередко заостряет внимание на подробностях строгого рядового быта в военных условиях, но делает это в лирическом предложении. В 1966 году вышла первая книга П.Кошубаева – «Сатаней» – сборник рассказов. Новелла, давшая название сборнику, продолжила тенденцию, уже

наметившуюся в творчестве писателя в его газетных рассказах — герои ее студенты, а сюжет построен на интимных взаимоотношениях молодых людей. Социальные последствия «свежего ветра перемен», струи которого повеяли в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в., выразились в возможности опубликования в 1998 г. повести Сафера Панеша «Хым ишъхьал мэхьаджэ, е неущ класэ хьушт» («Мельница моря перемальвает, или завтра будет поздно»), написанной еще в 1989 г. Пожалуй, по остроте и содержанию поставленных вопросов, по накалу эмоций, по социальной и национальной значимости повесть С.Панеша можно поставить рядом с полемичным «Прощанием с Матерой» Валентина Распутина.

3. Третья группа адыгских прозаиков больше обращена к философии, причем максимально распахнуто полотно национального внутреннего мира в мифопоэтике Н.Куека и других философских авторов в приближении к новому веку (Н.Куек, К.Шаззо, Ю.Чуяко и др.). С первой до последней страницы не покидает ощущение, что недавно вышедшее в свет произведение Нальбия Куека — нечто кардинально новое в адыгской литературе и по стилю, и по жанру, и по содержанию. Фактически, и К.Шаззо в своей повести «Ос фаб» возвращается к тем же проблемам, которые до него поднимали и другие адыгские писатели. И потому читатель просто надеется на то, что Хазрет правильно решит для себя все эти вопросы и построит свою дальнейшую жизнь на принципах добра, гуманности и справедливости. В «Железном Волке» Ю.Чуяко есть многое, безумно дорогое сердцу любого адыга, каковое было уничтожено теми, чьи сердца съел Железный Волк. Также адыгам отданы ликвидированные у них из национального круга имена многих из тех, кто, имея авторитет в своей профессиональной среде, оказался в гонениях и не очень привечался местной властью. В их числе такие мастера культуры и искусства, как И.Цей, С.Сиухов, Б.Коблев, Ш.Кубов, К.Натхо, А.Намиток и др. Тем не менее у себя они ценились: в работах адыгских критиков и литературоведов, исследовавших развитие национальной литературы, неоднократно говорилось о том, что зарождение адыгского рассказа, повести и романа было обусловлено возникновением очерков (И.Цея), авторами которых явились первые писатели, принимавшие активное участие в культурно-просветительской работе послереволюционных лет. Следовательно, в конце прошлого века принялась формироваться представлявшаяся прогрессивной общественно-политическая среда. В тот период, на фоне смены зоны сменяются и многие приоритеты, позволившие иначе оценить случавшиеся в течение прошлого века хроникальные события. Помимо этого, в данный период оказались выпущены некоторые циклы избранных трудов Ю.Тлюстена, И.Машбаша, Х.Беретаря, П.Кошубаева, К.Кумпилова, Н.Куека, К.Шаззо, Ю.Чуяко, Н.Багова, Р.Нехая и др. Причем в таком приятно наступающем потоке особенно различима проза, воспроизводящая горестную Кавказскую войну, а также иные трагические для адыгов летописи. В их числе «Жернова» (1993), «Хан-Гирей» (1998) И.Машбаша, «Сказание о Железном волке» (1993), «Милосердие черных гор или смерть

за черной речкой» (2003) Ю.Чуяко, «Черная гора» (1997), «Вино мертвых» (2002) Н.Куека, «Огненный витязь» (1998), «Игла в сердце» (2004) А.Схалыхо и проч. Исследователи согласны в том, что если тема Кавказской войны и поднималась ранее, ее трактование выходило неполноценным и молчаливым. А рожденные в начале 90-х гг. исторические романы (И.Машбаш «Жернова», Ю.Чуяко «Сказание о Железном Волке») ученые считают «вызовом времени» (Р.Мамий), действительно сумевшим откровенно и громко заявить об адыгах, как об этносе, самостоятельном, устроенном (и на общественном, и на политическом, и на культурном уровнях). Причем такой исторически насыщенный подход к творчеству авторы используют и далее. Имеют место факты и в другой прозе конца века. Факты, на основе объективного отображения которых Сафер Панеш выстроил фундамент своей повести «Завтра будет поздно», вызывают ужас и содрогание и, как не единожды в повести говорит сам автор, при их прочтении «волосы встают дыбом».

Своеобразное художественно-эстетическое воспроизведение исторические подробности адыгской жизни получают у Нальбия Куека. Мифопоэтика Н.Куека обусловлена философствующим и волнующимся о мироздании индивидом, думы и трепет которого были заметны еще в его минимальной прозе «Превосходный конь Бечкан». В числе прочих художественных достоинств романа «Вино мертвых» едва ли не в первую очередь следует назвать удивительный язык повествования. Однако людские черты в их своеобразном воплощении неизменно различимы, что продолжает первая прозаическая книга Саян Гutowой «Шэныгъэ шьэф» («Тайное знание», 2004), содержащая имеющиеся сегодня кадры реалий в сочетании с вековыми истинами. Немалое число кадров военных лет оказалось в ретроспекции Аскера Евтыха: «Разрыв сердца» («Разорванная картина») и «Я — Кенгуру», изданные в 2000 г. по-смертно в Москве под общим названием «Разрыв сердца». К драматическим ситуациям и фактам из действительности земляков приходит в рамках собственных рассказов и А.Схалыхо в книге «Огненный витязь». Продолжают хранить святую боль новые очерки, рассказы, повести А. Схалыхо, Р. Нехая, Р. Ачмиз-Кумук, А. Куека и др. Столь же насыщенными фактами собственной биографии Сафер Яхутль художественно делится с читателем в стихотворении «Къеблагъ, сыныбджэгъу». Философию жизни содержит в полной мере и проза реально современного нам автора Казбека Шаззо. К одному из современных достижений адыгской лирической повести можно отнести повесть писателя и литературоведа Казбека Шаззо «Теплый снег» («Ос фаб»), вышедшую на адыгейском языке в 1985 году в Майкопе. Произведение буквально наполнено лиризмом — он вплетен в строки воспоминаний лирического героя, его размышлений о жизни, о любви, о людях, которые его окружают, об отношениях с ними и о многом другом. Вхождение лирической струи в прозаические мотивы дало импульс оригинальным художественным эссе, собранным в изданиях Ш.Ергук-Шаззо «Бзыжгъый» («Пташка»), Ф.Мамруковой «Жьым кьылъэсырэ джэуап» («Ответ, принесенный

ветром», 1994), в небольших рассказах З.Хакуновой, выпущенных в «Зэкьошныгъ» («Дружба») в наши дни.

Непосредственное и насыщенное пульсирование пришедшего века с оригинальным и тщательным постижением мироздания существенно обусловили художественные издания Н.Куюка «Гум истафэхэр» («Пепел сердца», 1995), М.Емиж «Тхьальэлу» («Молитва», 1992) и др. Данное направление развивается, усиливается и получает upgrade (от англ. «насыщение») от тех, кто являет собой современное поэтическое поле, дающее богатый урожай. К такому плодотворному полю адыгские ученые относят М.Тлехаса, Ш.Куюва, Т.Дербе, М.Меджашева и др., а также поэтов более давнего времени, как то Р.Паранук, И.Тлепшерше, Х.Панеш, К.Кесебежев, Н.Хунагова, Р.Махош, С.Халиш и др. Говоря о плодоносящих нивах, не забывают и о творивших еще в СССР поэтах: Х.Беретарь «Тамэу кызготыр» («Крылья мои», 1999), К.Кумпилов «ГъашIэм ильъуж» («След жизни», 1994), Н.Багов «МэшIочIэ мыкIуас» («Негаснувший очаг», 1997), Р.Нехай «Ветры судьбы» (1995) и др. А также и сегодня: такая плодоносящая мощь снова наблюдалась читателем в новом двухтомном поэтическом «Собрании сочинений» (2006) И.Машбаша. Любить, творить и плодоносить, – вот стержневой принцип каждого адыгского словотворца.

И непосредственно фиксации вышеупомянутого художественного багажа посвящено исследовательское издание адыгских литературоведов конца 90-х гг. Трехтомная «История адыгейской литературы», изданная группой ученых Адыгеи под руководством безвременно покинувшего нас аксакала Казбека Шаззо провела систематизированный и многоохватный анализ литературы Адыгеи – от вышеупомянутых нами классиков и до литераторов нового времени. Убедительно делая упор на имеющееся в адыгейской литературе разнообразие жанров авторы входят соответствующие проявления фактически во всех художественных произведениях. Соблюдая при этом и хронологический принцип исследователи первый том закономерно посвящают истокам и стоящим у них классикам. Причем первые восемь глав здесь являют собой обобщающие аналитико-сопоставительные заключения с объектом рассмотрения – тенденцией художественного отображения, начиная с творчества адыгских писателей-просветителей XIX в. А последующие пять глав здесь – это те же аналитические сравнения, но с объектом – уже биографическим портретом классиков Адыгеи начала прошлого века, чье творческое перо традиционно признается базой регионального художественного слова – Ибрагим Цей, Цуг Теучеж, Ахмед Хатков, Хусен Андрухаев, Тембот Керашев

Литература:

1. История адыгейской литературы в 3-х тт. Т. I. – Майкоп: ОАО «Полиграфиздат «Адыгея», 1999. – 523 с.
2. История адыгейской литературы в 3-х тт. Т. II. – Майкоп: ОАО «Полиграфиздат «Адыгея», 2002. – 550 с.
3. История адыгейской литературы в 3-х тт. Т. III. – Майкоп: ОАО «Полиграфиздат «Адыгея», 2006. – 640 с.

(20 – 40-е гг. XX в.). И потому вполне закономерно в последующем втором томе «Истории..» имеет место аналитическое сопоставление и литературоведческое описание произведений художественного творчества середины прошлого века – 50 – 80-е гг. XX в. Причем по схеме, идентичной первому тому: первые две главы – обобщающие, адыгейская литература периода в целом (Глава 1) и традиции одного из классиков в их влиянии на последователей (Глава 2), и только после – наиболее признанные и основательно изученные наукой авторы в их портретно-биографическом воплощении, как то: Мурат Паранук, Юсуф Тлюстен, Аскер Евтых, Дмитрий Костанов, Сафер Яхутль, Киримизе Жанэ, Аскер Гадагатль, Хазрет Ашинов, Исхак Машбаш, Хамид Беретарь, Гисса Схаплок, Ереджиб Мамий, Пшимаф Кошубаев, Сафер Панеш, Кадырбеч Кумпилов. Следовательно, вполне предпочтено можно считать данную структуру томов, что обусловило аналогичное строение и тома третьего. Обобщающий текст о поисках новых путей и лишь после – поименные разделы, каждый из которых – глава о творчестве отдельного адыгейского автора сегодняшнего дня: Нальбий Куюк, Юнус Чуяко, Руслан Нехай, Нурбий Багов, Джафар Чуяко, Каплан Кесебежев, Хабиб Теучеж, Мулиат Емиж, Хусен Хурумов, Мугдин Тлехас, Шхамбий Кув. И лишь немного, но уже в завершение, здесь имеет место отступление от обозначенной нами структуры, коим явилась обобщающая, профессионально выверенная статья мэтра нашей науки Казбека Шаззо о прозе авторов последних двух десятилетий. Кроме того, несомненным новшеством в адыгских трудах по истории национальных литератур можно считать стабильно претворяемое и неизменно стимулировавшееся К.Г.Шаззо в Адыгее научное направление – изучение пера зарубежных адыгов. Именно поэтому вторым из двух разделов третьего тома является раздел с анализом литературы адыгской диаспоры. И снова: обобщающий текст и затем – персональные (Шабан Кубов, Кадыр Натхо) главы по авторам. И обязательная для трехтомника библиография.

Таким образом, подобного рода трехтомное издание, и по сей день остающееся энциклопедическим для любого исследователя адыгейской литературы, можно уверенно обозначить качественным исследовательским заделом для последующих поколений ученых. Поскольку даже в предисловии к третьему тому ясно сказано: «Это лишь начало большой, крайне необходимой работы, которая должна быть проделана для того, чтобы литература адыгов на исторической родине и в зарубежных странах рассматривалась как единое целое в культурно-историческом развитии и духовно-эстетическом наследии адыгов» [3, с. 3].